

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ НА УРАЛЕ В КРЕПОСТНОЙ ПЕРИОД: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Радикальные изменения в экономической, политической, социальной жизни России в конце XX в., резкое ухудшение условий жизни подавляющего большинства ее населения вызвали взрыв интереса к феномену благотворительности, проблемам социальной поддержки и защиты. В истории и традициях нашей страны, опыте развития цивилизованных правовых государств публицисты и ученые разных направлений социальных и гуманитарных наук попытались найти определенный щит, противодействие жестокому наступлению частного капитала.

Впервые, после десятилетий забвения, вопрос о благотворительности и меценатстве как социальном явлении в жизни дореволюционной России стал предметом исследования историков, искусствоведов, культурологов в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. Сюжеты, связанные с благотворительностью русского купечества, появились на страницах конкретно-исторических исследований, посвященных жизни и деятельности известных русских купцов и предпринимателей XIX — начала XX вв. (С.И. Мамонтова, П.М. Третьякова, С.Т. Морозов, С.Т. Бахрушина и др.) [1]. Появление исторических работ, связанных с традициями предпринимательской среды российского общества, объясняется не только социальной злободневностью проблемы, но и ее научной актуальностью. Сохранившийся богатый архивный материал, мемуары, данные дореволюционных исследований российской благотворительности (а их библиография насчитывает около 10 тысяч названий) позволяют исследовать социальную психологию и ментальные установки благотворителей из делового мира, что является относительно новым направлением в нашей исторической науке. Анализ социокультурного смысла благотворительности и милосердия разных слоев населения России лег в основу работ С.В. Климовой, А.А. Вилкова, В.Н. Ярской, И.С. Ждановой, Р.Е. Мироновой, Е.Р. Смирновой, А.Л. Свердловой и др. [2].

Наиболее серьезным и тщательно документированным исследованием в этом направлении является работа Г.Н. Ульяновой «Благотворительность московских предпринимателей: 1860—1914 гг.» (М., 1999). Для теоретического и статистического осмысления процесса благотворительности автор применил новую методику, создав на основе конструирования однотипных источников информационный массив — просопографический свод московских купцов. Сведения о жизни и деятельности отдельных представителей московского делового мира, извлеченные из архивных и опубликованных материалов, исследователь сгруппировал в анкету, соответственно разработанному им формуляру. Анкеты обобщенные в «Словарь московских благотворителей», включили просопографические сведения о 225 персонах, что дало достаточно объемную и представительную базу для необходимого анализа.

Говоря о ментальных установках купцов-благотворителей, исследователи отмечают их эволюцию: от чисто религиозных, вызванных моральными нормами хри-

ства, до гражданских, основанных на понимании социальной ответственности. Изменения эти, однако, как отмечено в исторических работах, происходили очень медленно. В предпринимательской среде православной России очень долго сохранялся традиционный для средневековья «конфликт сознания», вызванный осуждением церковью идеала богатства и преуспеяния. Благотворительные поступки и пожертвования купцов часто имели своим психологическим мотивом потребность в моральной компенсации, стремление искупить греховность нажитого богатства [3].

Благотворительная деятельность уральского купечества не стала пока предметом специального исследования историков. В литературе мы встречаем лишь отдельные упоминания о купцах-филантропах, чаще всего эти сведения относятся к периоду расцвета российской благотворительности (2-я половина XIX — начало XX вв.) [4]. Предшествующий период исследован очень слабо: не выявлена общая численность благотворительных заведений на Урале в XVIII — первой половине XIX вв., вклад купцов в их развитие, нет статистики пожертвований купцов и предпринимателей в социальную сферу Урала и анализа их психологических, поведенческих стереотипов в этом отношении. Немногочисленны даже описательные, фактологические исследования, их страницы воспроизводят лишь отдельные, фрагментарные сведения о благотворительных поступках представителей нескольких крупных уральских купеческих фамилий дореформенного периода (Рязановых, Казанцевых, Нуровых, Походяшиных), а также об истории благотворительных учреждений, состоявших под попечением купечества [5].

Понятие «благотворительность» включает в себя сейчас, как правило, сферу социальной практики негосударственной помощи нуждающимся, доминанту этой практики составляет элемент инициативы и общественной активности. В этом смысле благотворительность является необходимой частью развитого гражданского общества. В эпоху крепостного права, однако, благотворительными назывались не только частные, но и государственные институты социальной помощи. Финансирование их осуществлялось не только за счет добровольных пожертвований, но и из государственного и муниципального бюджетов.

Государственные формы социальной поддержки и защиты, существовавшие на Урале в дореформенный период, освещены в литературе крайне недостаточно. Социальная политика царского правительства крепостного периода вообще пока мало привлекает к себе внимание историков, в публицистике продолжают бытовать мифы советской историографии о бесчеловечной эксплуатации и беззащитности крепостного населения. Первыми попытались отойти от сложившихся стереотипов представители новой для нашей страны научной дисциплины — социальной работы. Складывание социальной работы как научной и учебной дисциплины в Российской Федерации началась в 1991 г., после того, как в стране появилась новая профессия — социальный работник, и началась подготовка специалистов этого направления в вузах. В процессе развития институтов социальной помощи и благотворительности историки социальной работы увидели собственные критерии и закономерности, позволяющие выделить эту сферу деятельности общества в предмет самостоятельного исторического познания [6].

Анализируя процесс развития благотворительности и милосердия в нашей стране, историки социальной работы предложили несколько вариантов его пе-

риодизации. При некоторых отличиях в хронологических рамках, авторы всех этих работ согласны с тем, что XVIII — первая половина XIX вв. — это время утверждения и развития преимущественно государственного призрения [7]. Выводы историков социальной работы базируются, как правило, на данных дореволюционной библиографии. Надо заметить, однако, что статистические и эмпирические факты, выявленные современными историками, не совсем укладываются в предложенную схему. Исследователи XIX — начала XX вв., как правило, ограничивались описательными фактологическими зарисовками отдельных благотворительных учреждений и поступков филантропов. На основе этих данных невозможно решить вопрос о соотношении финансирования институтов социальной помощи государством, сословными обществами и частными лицами, выяснить структуру, механизм и мотивы благотворительности. Все эти вопросы нуждаются еще в накоплении статистических и фактических данных, выявить которые проще всего в пределах определенных регионов.

Данные «Краткого отчета Пермского приказа общественного призрения о состоянии богоугодных заведений» за 1847 г., например, свидетельствуют о том, что государственное финансирование системы социальной защиты в губернии было минимальным. В течение года из сумм приказа содержалось лишь 6 благотворительных заведений (губернская больница, дом умалишенных, богадельня и училище детей канцелярских служителей в Перми, а также «градские» больницы в Осе и Оханске). Лечение и помощь в них получили 721 чел., из них бесплатно — 396. Общий объем финансирования учреждений Пермского приказа общественного призрения составил 12 976 руб. 84 коп. Из доходов городских обществ в это же время финансировались 9 больниц (в Кунгуре, Соликамске, Красноуфимске, Екатеринбургe, Чердыни, Камышлове, Верхотурье, Шадринске, Ирбите) и 2 богадельни (в Кунгуре и Чердыни). Содержалось в них в течение года 1034 чел., из них бесплатно — 41. Объем финансирования благотворительных заведений из доходов городских «обществ» составил 6093 руб. 51,5 коп. [8]. Бесплатное лечение и помощь в городских благотворительных заведениях и учреждениях приказа общественного призрения получали лишь самые бедные и обездоленные жители городских сословий, а также лица, в силу каких-либо причин оказавшиеся вне рамок своего «общества» (нищие, бродяги, арестанты, безродные калеки и пр.). Все остальные либо самостоятельно компенсировали средства на свое «призрение» в заведениях приказа (богатые горожане, дворяне, чиновники), либо содержались за счет помещика, мирского общества или ведомства, к которому они были приписаны (государственные крестьяне, военные чины, мастеровые уральских заводов, полицейские и почтовые служащие и пр.).

Основными формами помощи нуждающимся на Урале в XVIII — первой половине XIX вв., как свидетельствуют данные историков, для подавляющего большинства уральского населения оставались формы традиционные — патерналистское попечение помещиков и заводовладельцев, забота семьи и общины, сословно-корпоративные и внутриведомственные системы социальной защиты [9]. Не случайно в последнее время историками при характеристике сущности социальных отношений в самодержавной России имперского периода все чаще употребляется понятие «патернализм». Б.Н. Миронов прямо на-

российскую государственность конца XVIII века «сословной патерналистской монархией», а патернализм признал общей парадигмой социальных отношений в российском обществе в XVIII веке и парадигмой для отношений между низшими и высшими классами в нем в первой половине XIX века [10].

Патернализм как модель, основа социальных отношений между низшими и высшими слоями был традиционен и жизнеспособен в России. Воспитание у дворянства патерналистского отношения к своим подданным имело в России вплоть до конца крепостной эпохи. Официальный историограф императорского двора Н.М. Карамзин и другие современники императорской власти писали о том, что все императоры вплоть до Николая II воспитывались в духе патерналистской идеологии, им с детства внушалось, что «русские цари, как заступники и носители национального духа страны, должны являться для народа последним оплотом отеческой доброты и бесконечной справедливости» [11]. С началом промышленного освоения Урала, российское правительство во многом проиндустриализировало патерналистские отношения в промышленности, создав здесь в качестве основной производственной единицы округ — аналог сельскохозяйственной вотчины. В этом отношении вполне можно согласиться с мнением Г. Железкина в его споре с Е.Г. Неклюдовым о том, что патернализм как архаичная личностная модель отношений между заводоладельцем и горнозаводским населением появился на Урале в XVIII в. вместе с промышленностью, а был принесен сюда в период реформ начала XIX в. [12].

Новым моментом в социальных отношениях России XVIII — первой половины XIX в. стал не сам патернализм, а возведение обычая отеческого почитания о подданных в закон. Указы Петра I о запрещении нищенства возложили ответственность за благосостояние жителей на их помещиков и хозяев. За допущение нищих к бродяжничеству виновные могли быть подвергнуты штрафу. Указ от 20 июня 1718 г. предписывал отсылать задержанных нищих на места их жительства, «а на помещиках и на хозяевах, также на приставах и прикащиках брать штрафа за каждого человека за неусмотрение по пяти рублей» [13]. Указ Екатерины II от 27 февраля 1772 г. подтвердил это предписание [14]. При Николае I в XIX в. размеры штрафа были увеличены в несколько раз. «Правила для руководства Комитета о разборе и призрении нищих в Санкт-Петербурге» 1835 г., присланные для руководства в Уральское горное правление, указывали: «Общества или помещики, отпустившие по спорам, свидетельствам или другим каким-либо актам для прокормления себя работою таких людей обоего пола, кои по старости, дряхлости, болезни или немоществу не в силах исправлять работ и снискивать себе пропитание трудом, по задержании их полициею за прошение милостыни подвергаются штрафу в пользу Комитета о нищих в первый раз по 25 рублей ассигнациями за каждого человека или женщину. Когда после возвращения помещикам или обществам [...] люди сии вторично взяты будут полициею за бродяжничество за прошение милостыни, то в сем разе с помянутых помещиков и обществ взымать означенный штраф вдвое; в случае задержания тех же людей в третий раз втрое и так далее» [15]. Если вспомнить среднегодовой размер оплаты труда и пенсий рабочих того периода, станет ясно, что владельцам горных за-

водов было гораздо выгоднее содержать собственную систему социального призрения, чем подвергаться столь большим штрафам.

«Отеческое попечение» заводовладельцев и горного ведомства с рабочими вызывалось, конечно, не только страхом перед возможным наказанием. Анализируя развитие системы социального призрения и здравоохранения на Урале, историки отмечают существенное расширение материальной базы и сети этих учреждений в первой половине XIX в. [16]. Связано это было не только с развитием законодательства (Горный устав во многом конкретизировал социальные обязательства заводовладельцев), но и с осознанием необходимости специальной поддержки социальной сферы жизнеобеспечения горнозаводского населения. Индустриализация, даже в ее начальной стадии, многократно увеличивала число людей, нуждающихся в помощи. Травматизм, преждевременная потеря сил и здоровья стали неизбежными спутниками начавшегося в первой половине XIX в. в России промышленного переворота. Решить проблемы социальной поддержки огромного числа людей с помощью традиционных форм социальной защиты стало невозможно. Управляющий Пермским имением Лазаревых Г.А. Надуткин писал по этому поводу своему хозяину в 1855 г.: «Преждевременное занятие молодых людей в тяжелые заводские работы и неизбежные ушибы и увечья мастеровых в фабриках суть причины того, что в Чермошском заводе считается не более 20% сильных и здоровых работников из всего заводского народа, между тем, как в сельских имениях число их всегда восходит выше 40%» [17]. Управляющие частных горнозаводских округов и горные начальники как непосредственные руководители промышленности более всех были заинтересованы в сохранении объемов производства и социальной стабильности на подведомственных им предприятиях. Именно их мнение часто определяло направление социальной политики горного ведомства и трансформацию институтов социальной защиты в промышленности [18].

В наиболее льготных условиях в первой половине XIX в. оказались рабочие казенных заводов, в ипостаси владельцев которых выступала сама казна. Проект горного положения 1806 г. и последующие горные уставы узаконили на казенных заводах вполне развитую систему социальной защиты. Рабочие и члены их семей, сироты, вдовы обеспечивались бесплатной медицинской помощью, провиантским «богаделенным пособием», а иногда и денежной пенсией в случае старости и инвалидности. Право социальной защиты и социального обеспечения горнозаводского населения было признано не только официальным государственным законодательством (в первой половине XIX в. это право распространялось только на рабочих казенных заводов), но и вотчинным правом. В феврале 1837 г., например, появилось подробное Положение об управлении Пермского нераздельного имения Строгановых. Положение содержало особые главы «О сохранении здоровья», «Об опеке», «О призрении сирот и нищих», «О богадельнях». Врачебную помощь и советы всем людям строгановского имения доктору предписывалось подавать бесплатно, «а в тяжких случаях посещать их в домах и посылать к ним своих учеников с лекарствами и наставлениями». Малолетним сиротам Положением гарантировалась опека и сохранение имущества вплоть до совершеннолетия. Правила этой опеки строго регламентировались. Заводские и промысловые сироты, не име-

ные средств к существованию, помещались в особые сиротские дома, «дряхлые и бедные люди» — в богадельни [19]. Особое «Учреждение сиротских попечительств» имелось в Пермском имении Лазаревых [20].

Пенсионное обеспечение рабочих и служащих частных заводов в первой половине XIX в. стало регулироваться вотчинным правом и инструкциями заводладельцев. Как правило, денежные пенсии здесь выдавались лишь служащим, старелые рабочие получали провиантное «богаделенное пособие». В журнале заседаний комитета управляющих пермским имением Строгановых от 1841 г., например, записано, что общая сумма пенсий служащих в этом году должна была составить 5100 рублей, мастеровых же — 1500 руб. [21]. Как указывалось в Проекте правил Чермоозского главного правления Лазаревых о положении пенсий служащим и мастеровым с их семействами 1851 г., право на это пособие они приобретали «по благотворительности их превосходительств господ владельцев» скорочную, долговременную, верную службу. Никаких гарантий осуществления этого права рабочие и служащие не имели. Заводовладелец мог в любой момент лишить пенсионера пособия, как пишется в том же Проекте, «по злоупотреблениям или по каким-либо проступкам в явной неблагодарности». Права на пенсию лишались и вольноотпущенные [22]. Не распространялись пенсионные льготы на крестьян, занятых в заводском производстве, так как они, как указано в пенсионных правилах Пермского имения княгини Бутеро-Родали 1860 г., по-прежнему службою и работою не заняты и имеют полную возможность сами себя пропитывать [23]. Сроки выплаты денежной пенсии и богаделенных пособий по-прежнему в разных округах были разными, все зависело исключительно от воли заводладельцев и их финансового состояния.

Система благотворительности, существовавшая на горных заводах Урала в предшествующий период, обеспечивала социальной помощью весьма значительную часть нуждающегося в ней горнозаводского населения. «Попечительная» политика заводладельцев и горного ведомства сформировала весьма своеобразный тип уральского рабочего, социально-психологические отличия которого от рабочего европейского отчетливо осознавались либеральной общественной мыслью во второй половине XIX в. Почти все публицисты и исследователи писали после реформы 1861 г. о том, что горнозаводское население отвыкло от необходимости заботиться о пропитании себя и своих семейств, от инициативы и самостоятельности.

Модель социальной защиты, сложившаяся в первой половине XIX в. на уральских заводах, вполне можно назвать моделью патерналистской. В качестве главных черт этой модели историки экономики называют: финансирование бюджетов социального страхования и обеспечения в основном на нестраховых принципах, когда расходы по ним возмещались из текущих доходов предприятий; добросовестное выполнение производственных обязанностей и лояльность по отношению к работодателю как основное условие получения пенсий и благотворительных пособий; ограниченность охвата населения системами социального страхования и обеспечения. Патерналистская доктрина социальной защиты в XIX в. господствовала в политике всех европейских государств. Исторический шаг в сторону «государства всеобщего благоденствия» впервые сделало имперское прусское правительство Бисмарка лишь в конце XIX в., введя систему обяза-

тельного социального страхования для всех работающих в промышленности [24]. Характерной особенностью социально-правовых форм материального обеспечения престарелых и нетрудоспособных в доиндустриальный и раннеиндустриальный период, согласно мнения правоведов, была структурная необособленность распределительных отношений от отношений собственности [25]. Система социального обеспечения и социальной защиты уральского населения XVIII — первой половины XIX в. в этом отношении в целом была вполне традиционна.

Складывание социального права и применение его в вотчинных и помещичьих горнозаводских имениях Урала в первой половине XIX в. свидетельствует, однако, и о развитии в России модернизационных тенденций: в духе модной в то время либеральной доктрины государственного управления, которой увлеклась некоторая часть образованного общества, за человеком признавались определенные права и свободы, хотя, конечно же, речь не шла о даровании народолюбивых гражданских прав и привлечении его к участию во власти. В первой половине XIX в. образованные дворяне-заводовладельцы сознательно стали внедрять в своих заводах не только традиционные, основанные на патернализме или принципах мирской взаимовыручки учреждения социальной защиты, но и новые для того времени институты страхования. Страховое дело, привлекавшее для страхования личного риска индивидуальные взносы клиентов, во многом противоречило традиционному мировоззрению русского народа.

В фонде Строгановых РГАДА сохранилось несколько дел, рассказывающих о создании в Пермском имении особого капитала для страхования от пожара деревянных строений. Как свидетельствуют данные этих дел, страховая деятельность встретила сначала яростное сопротивление мирских обществ. Идея страхования домов от пожаров возникла на Урале еще до официального открытия в 1827 г. в Санкт-Петербурге акционерного страхового Российского общества. 14 ноября 1821 г. один из управляющих главной конторой строгановскими имениями Лев Ослоповский обратился к владелице уральских горнозаводов графине Строгановой с предложением создать в Пермском имении особый капитал для «возведения новых обывательских домов и строения вместе истребляемых пожарами». Собрать необходимый для этого капитал, по мысли автора проекта, можно было за счет индивидуальных взносов крестьян, желающих застраховать свои дома. Подсчитав примерное количество домов в имении (около 13 тысяч) и оценив каждый из них в среднем в 200 рублей, Ослоповский предложил взимать в страховую сумму ежегодно по одному проценту от стоимости дома. 26 тысяч рублей, полученных в результате этого сбора, можно было либо отдать под рост процентами в казенные учреждения, либо принять в собственную кассу владелицы с платежом в страховую сумму по 6—7%, что будет, как писал Ослоповский, «новой милостию и благотворением Вашего Сиятельства к подвластным Вам людям» [26].

Строганова положительно оценила мнение своего советника и уже 24 января 1822 г. отправила предписание в село Ильинское управляющему имением Якову Григорьевичу Волегову. Для создания страхового капитала графиня приказала организовать специальную страховую комиссию из главноуправляющего имением и трех присутствующих третейского суда, а в каждом земском

домстве, помимо этого, для предотвращения злоупотреблений при страховой оценке домов — частные отделения страховой комиссии, куда мирское общество должно было избрать человек [27].

Волегов, хорошо знакомый с мировоззрением управляемого им населения, с большой осторожностью воспринял идею индивидуального добровольного взноса крестьян в страховой капитал. В своем донесении Строгановой от 22 февраля 1822 г. он утверждал, что значительно проще было бы составить страховую пожарную сумму посредством небольшого обязательного взноса, собираемого с крестьян вместе с другими податями. Тем не менее, несмотря на затруднительность поручения, он обещал приложить все усилия к «сильному внушению крестьянам о той пользе, какую страховая пожарная сумма приносить им может» [28].

24 февраля 1822 г. при участии Волегова главная страховая комиссия в селе Ильинском была открыта, 25 февраля начало действовать Ильинское земское частное отделение [29]. Страховая деятельность приказчика в других селениях оказалась, однако, далеко не столь успешной. В 1822 г., судя по данным дневника Волегова, он посетил почти все селения имения с целью убеждения крестьян и мастеровых в пользе для них страхового дела [30]. Почти все мирские общества решительно отвергли новое для себя учреждение. 1 марта И.Г. Волегов явился в Добрянский завод, где его встретило большое число местных жителей. Заводские приказчики объяснили Волегову, что жители собраны здесь для избрания депутатов в частное страховое отделение, однако никто из них на это избрание не согласен и дома свои страховать не хочет. Управляющий прочел жителям Добрянки обращение заводовладелицы и положение страхового общества, объяснил выгоду и полезность для крестьян участия в этом обществе. После долгой речи управляющего заводские приказчики согласились страховать свои дома, а «крестьяне с большим шумством от того отrekliсь». Убеждать мастеровых пришлось до 12 часов ночи, но никакого эффекта эти действия управляющего не имели. На следующий день Волегов предписал призывать к нему мастеровых на беседу по одному и вновь убеждал их в пользе нового учреждения. Результатом стало согласие двадцати мастеровых застраховать свои дома — частное отделение в Добрянке было открыто.

4 марта Волегов отправился на соляные промыслы. Промысловые работники от выбора депутатов и представления своих домов к застрахованию «отозвались», и чем больше делано было им убеждений, «тем вяще оказывали они упорство». Наконец, после долгих уговоров, четверо работников, представленных ранее приказчиками в Москве графине Строгановой, согласились на страхование своих домов и выбрали депутата, за что, как пишет Волегов, «потерпели они от прочих людей обидные упреки». Уговоры и увещевания соляных работников продолжались до 7 марта, заставить удалось, однако, дома лишь нескольких человек. 13 марта Волегов отправился в остальные села имения в сопровождении члена Ильинского третейского суда Григория Кайгородцева, рассчитывая на его авторитет у крестьян.

В Юсвенской земской конторе, однако, посланников администрации вновь встретило упорное сопротивление. Крестьяне от страхования домов решительно отказались, заявив, что «если кто из них потерпит от пожара, то они впоследствии сделают сами между собой, а пособий требовать ни от кого не будут».

После долгих убеждений в пользу и необходимости страхования некоторые члены общины стали склоняться к тому, чтобы застраховать свои строения, «угрозы и запрещения других от того их останавливали, ибо большая часть лю- с дерзости кричали, что все должны быть единодушными, от общего мне не отставать и ни на какие убеждения отнюдь не соглашаться». На следующий день в земскую контору был вызван один лишь староста. После долгих уговоров он согласился внести свой взнос в страховую капитал, попросив защитить его, однако, если будут притеснения со стороны мирского общества. Удалось убедить в необходимости страхования своих домов еще двух жителей с Юсвенское и открыть здешнюю страховую контору.

В Архангельском приказчиков ждала та же история — решительное сопротивление введению нового учреждения, на уговоры поддались лишь два человека. В Егвенском, следовавшем после Архангельского, был престольный праздник, поэтому в контору староста собрал лишь «лучших» людей. Выслушав убеждения приказчиков, они согласились застраховать свои дома. Из разговоров в Егвенском Волегов узнал, что после получения предписания из Ильинской страховой комиссии открытия земских страховых контор крестьяне Инвенских селений собрались тайном совещании и договорились не соглашаться ни на какие убеждения, не брать депутатов в новые страховые учреждения и не страховать свои дома.

18 марта Волегов с Кайгородовым явились в село Отевское. Здесь их ждало то же «сильное шумство и смятение». Крестьяне местной общины не только отказывались страховать свои дома, но даже, заметив, что один из них готов согласиться на уговоры приказчиков, «вызвали его из земской избы и, упрямым образом усадив в сани, увезли в деревню». Дом застраховал после долгих уговоров один лишь староста.

18 марта вечером приказчики отправились в село Кудымкарское. В 11 часов ночи их встретил местный приказчик и объявил, что местное мирское общество готово принять участие в работе страховой комиссии, депутаты, избранные находятся в земской избе. Несмотря на позднее время, Волегов поспешил встретиться с депутатами. Дневник сохранил весьма любопытную оценку образованным приказчиком Волеговым менталитета местных крестьян. «Я знал, что у меня могу в деле, мне порученном, тогда, когда находится их меньше, нежели в большом собрании, при котором бывают они смелее, упрямее и дерзновеннее и потому тот же час пошел в земскую избу». После беседы с выбранным обществом депутатами частное отделение в Кудымкаре было открыто и официально зарегистрировано, собственные дома застраховало 10 человек. События следующего утра продемонстрировали мудрость приказчика. Мирское кудымкарское общество, собравшись в земской конторе, стало обвинять старосту в том, что он согласился застраховать свой дом без согласия общины. Многие крестьяне кричали, что никаких новых учреждений им не надобно. Пришлось вновь объяснять крестьянам, что страхование — дело добровольное и индивидуальное, для крестьян оно очень выгодно и полезно.

Упорное сопротивление крестьян внедрению нового для них страхового дела объясняется прежде всего недоверием сельских и заводских мирских обществ администрации, непониманием того, что страховая ответственность индивидуаль-

не ляжет дополнительным бременем на общину. Многие крестьяне не желали платить на себя дополнительных финансовых затрат по страхованию риска, надеясь на традиции взаимопомощи общины и патерналистскую заботу о пострадавших помещицы. Администрация, однако, не оставляла своей работы по выяснению истинного смысла нового учреждения, никакого принуждения по отношению к крестьянским мирам при этом не применялось. Я полагаю, писал Олегов, «что когда неосновательные мысли их истребятся и когда впоследствии времени познают они от благотворного учреждения страховой пожарной суммы пользу свою, то положат дома и строения свои в другую цену» [31]. Усилия прогнановских приказчиков не оказались напрасными. В 1822 г. им удалось застраховать от пожаров всего 5742 дома и 587 гумен, через десять лет число застрахованных домов увеличилось до 14 465, гумен — до 5732 [32].

Изменению традиционной ментальности и разрушению традиционного для России сословного и корпоративного эгоизма способствовали и складывавшиеся здесь с начала XIX в. всеобщие благотворительные и просветительные организации. Инициатива в развитии этих организаций в первой половине XIX принадлежала элитному слою общества и осуществлялась под покровительством самой царской власти. На Урале первое из всеобщих благотворительных обществ возникло в 1821 г. в Уфе. Это был Уфимский Попечительный комитет о бедных ведомства Императорского Человеколюбивого общества. В конце 40-х — начале 50-х гг. XIX в. на Урале начали работу губернские попечительства детских приютов, привлекавшие средства всех слоев населения.

Начало трансформации институтов социальной защиты населения в первой половине XIX в. свидетельствует о модернизационных тенденциях в этой сфере жизнедеятельности уральского населения: на смену традиционным институтам патерналистского попечения и мирской взаимовыручки шли новые этические принципы и культурные навыки, положившие начало Великим реформам 60-х — 70-х гг. XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989; Там же. Крупная буржуазия России. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1992; Бурыйшкин А.А. Москва купеческая. М., 1991; Думова Н.Г. Московские меценаты. М., 1992; Петров Ю.А. Братья Рябушинские: групповой портрет русской финансовой олигархии / Встречи с историей / Вып.3. М., 1990. С. 29—45; М.Н. Барышников. Деловой мир России. Историко-биографический справочник. СПб., 1998 и др.

2. Климова С.В. Христианский смысл милосердия // Благотворительность и милосердие: Сб. науч. трудов / Под общей ред. В.Н. Ярской. Саратов, 1997. С. 80—90; Шаповалов А.А. Мирская благотворительность как фактор менталитета российского крестьянства // Там же. С. 138—151; Ярская В.Н. Благотворительность и милосердие как социокультурные общечеловеческие ценности // Там же. С. 36—53; Миронова Р.Е., Иванова И.Н. Благотворительность как показатель нравственной культуры общества // Там же. С. 71—79; Смирнова Е.Р. Социокультурный смысл милосердия // Там же. С. 31—35; Жданова И.С. Меценатство как социальный феномен и проблема его развития в современной России. — Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997; Свердловская А.А. Меценатство в России как социальное явление // СОЦИС. 1999. № 7. С. 134—137.

3. О социокультурном контексте благотворительности в европейских странах см. Ястребицкая А.Л. Бедность, бедняки и маргиналы в европейском городе XII—XVI вв. (Социокультурная реконструкция) // Культура и общество в Средние века — раннее новое время. Методика и методология современных историко-антропологических и социокультурных исследований. Сб. аналитических и реферативных обзоров. М., 1996. От аграрного общества к государству всеобщего благоденствия. Модернизация Западной Европы с XV века до 1980-х гг. М., 1998.

4. См., например: Баяндина Н. Пермь купеческая. Пермь, 1997; Благотворительность: история и возрождение: Мат-лы науч.-практ. конференции. Пермь, 1998; Коллекционеры и меценаты дореволюционного Урала. Екатеринбург, 1999 (Сер. «Очерки истории Урала». Вып.8); Сутырин Б.А. Из истории благотворительства на Урале конце XIX — начале XX века // Каменный пояс на пороге III тысячелетия: Мат-лы регион. науч.-практ. конференции. Екатеринбург, 1997.

5. Ageev C.C., Микитюк В.П. Рязановы — купцы екатеринбургские. Екатеринбург, 1998. С. 88, 92, 96, 97, 111, 114; Байдин В.И. Эволюция социально-культурного бытового облика верхушки уральской буржуазии в конце XVIII — начале XIX вв. (на примере семьи екатеринбургских купцов Казанцевых) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. С. 22; Копцева Т.В. Духовная культура купечества Зауралья (вторая половина XVIII — середина XIX вв.) Автореф. дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998; Она же. Купцы-меценаты урало-сибирского региона // Россия. Романовы. Урал. Вып. III. Екатеринбург, 1997. С. 67—70. Дашкевич Л.А. Воспитательные дома и приюты на Урале в XVIII — первой половине XIX вв. (К вопросу о развитии благотворительности в крепостной России) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. III. Екатеринбург, 1999. С. 103—124.

6. См.: Фирсов М.В. История социальной работы в России: Учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений. М., 1999; Основы социальной работы: Учебник / Отв. редактор П.Д. Павленок. М., 1999; Справочное пособие по социальной работе. М., 1997; Социальная работа / Под общей ред. проф. В.И. Курбатова. Ростов на-Дону, 1999 и др.

7. Справочное пособие по социальной работе М., 1997. С. 25; Нувахов Б.Ш., Лаврова И.Г. Этапы развития милосердия и благотворительности в России в XVIII—XX вв. // Проблемы социальной гигиены и история медицины. 1995. № 4. С. 52; Фирсов М.В. История социальной работы... С. 11.

8. ГАПО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 104. Л. 313—316.

9. Дашкевич Л.А. Социальная политика горного ведомства на Урале в первой половине XIX века // Уральский исторический вестник. 1999. № 5; Она же. Воспитательные дома и приюты... С. 103—125; Неклюдов Е.Г. Идеи патернализма в социальной политике уральских заводчиков Демидовых в первой половине XIX века // Тульский металл: четвертое столетия истории. Тезисы II Всероссийской научной конференции «Тульский металл в истории промышленности и предпринимательства». М.; Тула, 1995; Железкин В.Г. Государственный социальный патернализм в уральской промышленности XIX века // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Сб. науч. статей. Екатеринбург, 1998; Голикова С.В. Попечение владельцев о горнозаводских рабочих Урала в сфере здравоохранения (1800—1861 гг.) // Предприниматели и рабочие: их взаимоотношения: Вторая половина XIX — начало XX в. («Вторые Морозовские чтения»): Материалы науч.-практ. конф. Ногинск-Богородск, 1996. С. 30—36; Она же. Горнозаводская медицина Урала в первой половине — середине XIX в. // Россия. Романовы. Урал. Вып. 3. Мат-лы III научных чтений, посвященных памяти Великого Князя Николая Михайловича. Екатеринбург, 1997. С. 94—98; История местного самоуправления на Урале XVIII — начале XX в.: город, село, деревня / Е.Ю. Апкаримова, С.В. Голикова, Н.А. Миненко и др. Екатеринбург, 1999; А.В. Мангилева. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX в. (на примере Пермской епархии). Екатеринбург, 1998.

10. Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 1999. С. 132.
11. Там же.
12. Железкин В.Г. Государственный социальный патернализм ... С. 87.
13. Стог. О общественном призрении в России. Ч. 1. СПб., 1818. С. 43.
14. Там же. С. 94.
15. ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 3345. Л. 5 об.
16. Железкин В.Г. Государственный социальный патернализм ... ; Неклюдов Е.Г. Идеи патернализма ... ; Дашкевич Л.А. Социальная политика горного ведомства... ; Голик С.В. Горнозаводская медицина Урала ... С. 94—98.
17. РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1882. Л. 200 об.
18. Подробнее см.: Дашкевич Л.А. Социальная политика горного ведомства ...
19. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4420.
20. ГАПО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 976.
21. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1422. Л. 6 об.
22. ГАПО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1081. Л. 1 об., 12 об., 15.
23. Пермские губ. ведомости. 1860. 16 сентября.
24. Ронк В.Д. Социальная защита: управление условиями и охраной труда (Опыт зарубежных стран). М., 1992. С. 117.
25. Мачульская Е.Е. Право социального обеспечения: Учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 65.
26. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1387. Л. 3 об.
27. Там же. Л. 4.
28. Там же. Л. 21 об.
29. Там же. Л. 28.
30. Там же. Л. 34—41.
31. Там же. Л. 32 об.
32. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1391. Л. 149.

DEVELOPMENT OF INSTITUTIONS OF SOCIAL HELP IN THE URALS IN THE PERIOD OF SERFDOM: HISTORIOGRAPHIC AND METHODOLOGICAL ASPECTS

An original system of charity formed in the Urals in the XVIII — first half of the XIX centuries is the subject of the article. The system provided social help to significant part of the Ural population. The author defines the model of social help emerged in the first half of the XIX century at the Ural factories, as paternalistic. The basic features of this model were: financing of social insurance and security budgets basically not according to the insurance principle but when the expenditures were reimbursed from the current incomes of enterprises; diligent execution of responsibilities and loyalty to the employer as main conditions for pension payment and charity allowances; limited character of the population inclusion in the systems of social insurance and security.

L.A. Dashkevich